

Авторитет, разум, сердце

Бенджамин Б. Уорфилд

Точный характер тесной связи между религией и богословием не всегда ясен. Иногда религию считают прямым результатом богословия; чаще думают, что богословие прямо основано на религии. Истина же в том, что хотя они постоянно влияют друг на друга, ни одно из них не вытекает из другого. И то, и другое возникает под действием той же самой совокупности истин, но в разных сферах. Религией мы называем религиозную жизнь, а богословием – упорядоченный свод религиозной мысли. Ни одно из них не является следствием другого, но оба – следствие религиозной истины, действующей в двух сферах: в жизни и в мышлении. Одно без другого невозможно. Никто не может быть настоящим богословом, не будучи религиозным человеком. Никто не может жить религиозной жизнью, ничего не ведая о богословских понятиях. Человек – это единое целое; и религиозная истина, с которой он сталкивается, должна проявляться либо во всех его действиях, либо ни в каких. Но именно через свой общий источник – религиозную истину – религия и богословие соединены теснее всего. Истина о Боге, Его природе, Его воле, Его целях – вот то фундаментальное положение, на которое опираются и религия, и богословие. Следовательно, истина о Боге – величайшая истина на земле. На ней держится наша вера, надежда и любовь. Благодаря ей мы обращаемся и освящаемся. От нее зависит вся наша религия, как и все наше богословие.

Есть три средства, или канала, которыми Божья истина передается человеку и оказывается доступной ему, так что она может влиять на его жизнь, чтобы он стал религиозным, либо может систематизироваться в его мышлении и вылиться в богословие. Эти три средства или канала передачи информации можно кратко обозначить так: авторитет, разум и сердце. Их взаимосвязь не такова, чтобы можно было полагаться лишь на одно из них, отбрасывая другие. В любой здоровой религии и в любом истинном религиозном мышлении, то есть богословии, должны применяться все три средства, и сообщая они должны гармонично служить непосредственным источником нашей религии и наших знаний. Поэтому, если какое-нибудь одно из трех средств превозносить так, что другие окажутся практически исключены, то это исказит как нашу религиозную жизнь, так и религиозное мышление, они станут однобокими и искаженными. Невозможно иметь уравновешенную религиозную жизнь или истинное богословие, как только при идеальном взаимодействии всех трех источников передачи истины.

Более того, можно убедительно показать, что все эти три сводятся, по сути, к одному; и почти так же убедительно, что этот один канал истины, в свою очередь, есть в каждом из трех. Таким образом, можно заключить, что убежденность в суждениях нашего разума и ощущениях наших чувств опирается, в конечном счете, на надежность Бога; так что получается, что нашим единственным источником информации о Боге служит авторитет. Мы можем знать лишь то, что говорит Бог, и как говорит Бог. Сходным образом можно утверждать, что все заявления авторитета обращаются к разуму, и что разум – единственный инструмент для определения, какие выводы надо сделать из чувств; так что в итоге все источники знания сводятся к этому одному источнику – разуму. Мы знаем лишь то, что наш разум постиг и сформулировал. При этом можно также утверждать, что не столько логические до-

воды, сколько правда жизни, наше стремление ввысь, наше ощущение зависимости и ответственности, – вот что обеспечивает точки соприкосновения между нами и Богом, без которых все громогласные заявления авторитета и все размышления в сфере божественного были бы для нас столь же невразумительны и бесполезны, как разговоры о красках для слепого. В каждом из этих суждений есть истина; впрочем, они говорят не о том, что у нас есть лишь один путь для доступа к божественному, но подчеркивают, что все три источника настолько переплетены и взаимосвязаны, что невозможно никакой из них возвысить до единственного источника знаний о Боге и божественном, отбросив при этом другие.

Преувеличение принципа авторитета в ущерб остальным ввергнет нас в традиционализм, и, в конечном счете, свяжет нас по рукам и ногам и доведет до безответственного догматизма привилегированной касты. Эта дорожка проторена Римско-католической церковью, и в результате мы видим безропотную покорность установлениям сначала непогрешимой церкви, затем непогрешимого сословия, и, наконец, непогрешимого человека. Здесь ни сердцу, ни разуму не дозволяется говорить в присутствии владычественного авторитета; но людям велено покорно принимать на основании одного только авторитета даже то, что противоречит простейшим суждениям разума (как с учением о пресуществлении) или оскорбляет самые сокровенные чувства (как с применением индульгенций).

Преувеличение принципа разума в ущерб остальным приведет к рационализму, так что мы окажемся беспомощными перед крепкой хваткой чисто логических представлений. Этим путем идут рационалисты, и в результате у нас есть множество априорных систем, построенных исключительно на рассудке. Здесь ни откровению, ни совести не позволено возражать холодному течению интеллектуальных формулировок, но всё перекраивается по произволу априорных фантазий, а от людей требуется отвергать как ложное все то, на что у них нет готового доказательства, даже если об истинности этого говорит Бог (как с доктриной о Троице) или же сердце отзывается и свидетельствует: я это чувствую (как с первородным грехом).

Преувеличение принципа сердца в ущерб остальным ввергнет нас в мистицизм и предаст на милость обманчивых течений чувств, струящихся в нашей душе то вверх, то вниз. По этому пути пошли мистики, так что в результате мы получили столкновение противоречивых откровений и обожествление самых бредовых человеческих фантазий. Здесь ни объективной истине данного в откровении слова, ни приверженности рациональному мышлению не позволено сдерживать буйные мечтания души, мнящей себя божественной, или сумбур наших жалких мнений, говорящих голосом Бога; людям запрещается прояснять свои примитивные выдумки верными доводами (как с доктриной погружения в Бога) или верить свидетельству Самого Бога о Его подлинной природе (как в том, что касается Его личности).

Поэтому авторитет, доведенный до крайности и ставший традиционализмом, разум, надмившийся до рационализма, и сердце, погрязшее в мистицизме, – все это показывает, как опасно иметь однобокий подход. Авторитет, разум и сердце – три стороны треугольника истины. Как они взаимодействуют, заметно в любом конкретном случае их работы. Авторитет, находящийся в Писании, поставяет материал, который принимается в разуме и воздействует на сердце. Откровения Писания доходят не только до разума. Они даны не для того, чтобы просто просвещать ум. Они даны, чтобы через разум преобразовать жизнь. Они должны доходить до сердца. Опять же, воздействуя на сердце, они не могут не затронуть разума. Их невозможно до конца постичь одним только умом. Душевный человек не может принимать того, что от Духа Божия. Откровения должны сначала обратить душу, и

лишь потом их можно до конца постичь умом. Понять их можно, только живя ими. Следовательно, высказывание: «Поверь, чтобы понять», – вполне справедливо. Никто не может объять разумом полноту смысла авторитетных откровений, кроме как испытав их силу в своей жизни. Поэтому, чтобы истины о божественном можно было постичь так, что они соединятся с истинной совокупностью божественной истины, они должны быть, во-первых, открыты в авторитетном слове; во-вторых, пережиты в благочестивом сердце; и, в-третьих, сформулированы освященным разумом. Значит, лишь соединив эти три, можно иметь истинное богословие. И в равной мере, чтобы те же самые истины можно было принять так, что они породят в нас живую религию, они должны быть, во-первых, открыты в авторитетном слове; во-вторых, постигнуты здравым рассудком; и, в-третьих, пережиты в наставленном сердце. Лишь соединив эти три, можно иметь живую религию.

Источник: Warfield B. B. Authority, Intellect, Heart // Selected Shorter Writings: in 2 vols. / Ed. J. E. Meeter. Phillipsburg, NJ: Presbyterian & Reformed, 1970, 1973. V. 2. P. 668–671.